

Шаронова Елена Александровна, Гудкова Светлана Петровна

Н. М. КАРАМЗИН "БЕДНАЯ ЛИЗА" И Л. Н. ТОЛСТОЙ "АННА КАРЕНИНА": СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА

В статье рассматриваются особенности художественных взаимосвязей Н. М. Карамзина и Л. Н. Толстого. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа произведений "Бедная Лиза" и "Анна Каренина" выявляются общие черты в создании чувственного мировосприятия героинь, их любовного переживания и отношения к близким. Авторы статьи приходят к выводу о том, что Л. Н. Толстой - один из немногих писателей-классиков, создавший героиню, идея образа которой перекликается с идеей карамзинской "бедной" Лизы. Это дает основание говорить об "Анне Карениной" как своеобразной реминисценции на повесть Н. М. Карамзина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 73-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'38:821.161.1«18»

В статье рассматриваются особенности художественных взаимосвязей Н. М. Карамзина и Л. Н. Толстого. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа произведений «Бедная Лиза» и «Анна Каренина» выявляются общие черты в создании чувственного мировосприятия героинь, их любовного переживания и отношения к близким. Авторы статьи приходят к выводу о том, что Л. Н. Толстой – один из немногих писателей-классиков, создавший героиню, идея образа которой перекликается с идеей карамзинской «бедной» Лизы. Это дает основание говорить об «Анне Карениной» как своеобразной реминисценции на повесть Н. М. Карамзина.

Ключевые слова и фразы: Н. Карамзин; Л. Толстой; русская классическая литература; художественный диалог; традиция; повесть; роман; образ; героиня.

Шаронова Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Гудкова Светлана Петровна, д. филол. н., доцент

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
sharon.ov@mail.ru; sveta_gud@mail.ru*

Н. М. КАРАМЗИН «БЕДНАЯ ЛИЗА» И Л. Н. ТОЛСТОЙ «АННА КАРЕНИНА»: СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА

Н. М. Карамзин – родоначальник новой русской литературы, именно его творчество есть та граница, которая разделяет художественную словесность XVIII и XIX столетий. Благодаря его усилиям по реформированию русского письменного языка в отечественной словесности стало возможно появление прозы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др. На наш взгляд, наиболее очевиден творческий диалог между Н. М. Карамзиным («Бедная Лиза», 1792) и Л. Н. Толстым («Анна Каренина», 1877).

«Бедная Лиза» есть прощание с «осмнадцатым столетием» в русской литературе. Эта повесть своим появлением представила принципиально новый тип человека – человека чувствительного (*homo sensitive*), его новую философию, новый язык мыслей и слов. Человек чувствительный не просто приходит в этот мир, он сам есть целый мир, являющий собой космос чувств, вне которого находиться не способен, поскольку вне его для него ничего не существует. В этом причина гибели карамзинской Лизы: абсолютный эмоциональный вакуум, в который она поместила себя, оказался заполненным чужеродными внешними элементами, погубившими ее. На короткое время *homo sensitive* становится культурной нормой, достаточно быстро себя исчерпавшей. Литература Пушкина, Лермонтова, Островского, Тургенева такого типа героя уже не знает, их герой или рассудочен, или безволен, или покорен судьбе. Карамзинский тип человека чувствительного возрождается лишь в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. Здесь героиня тоже живет исключительно чувствами, ими мыслит, ими руководствуется в совершении поступков и в принятии важных решений. И гибнет, как только придуманный ею абсолютный эмоциональный космос подвергается губительному воздействию извне. Образ бедной Лизы есть отрицание классицистического рационализма, образ Анны Карениной – предчувствие Серебряного века.

Однако если героиня Н. М. Карамзина вызывала сочувствие и подражание внутри и вовне художественного пространства, то «вертеровские страсти» Анны Карениной уже осуждались как чрезмерные и непристойные: «...это не была та блестящая, грациозная светская связь, какую она (мать Вронского. – *Е. Ш., С. Г.*) бы одобрила, но какая-то вертеровская, отчаянная страсть...» [3, с. 177]. Объясняется это тем, что ее безусловное служение чувству неадекватно новой эпохе, когда культура светского быта требовала сдержанного и скрытного чувственного поведения от женщины, а не его демонстрации. К тому же, то, что общество могло простить крестьянке и за что сочувствовать ей, не прощалось аристократке, обязанной всегда и во всем укрощать свои страсти во имя приличия и долга. Казалось бы, эпоха классицизма ретировалась, исчерпав себя, но ее эстетика продемонстрировала свою жизнеспособность, проявившись в XIX веке в образах Татьяны Лариной («Евгений Онегин»), Веры («Герой нашего времени»), тургеневских героинь, Долли и Кити Щербацких («Анна Каренина») и др.

Героини Н. М. Карамзина и Л. Н. Толстого развивают одну и ту же сюжетную схему: непорочная, совершенная, во всех отношениях прекрасная «спящая красавица» пробуждается от случайной, но ставшей судьбоносной встречи с прекрасным же «принцем» и заключает свою жизнь в пределы исключительно эмоционального бытия и погибает, когда его непрочные стены разрушаются от того, что случается совсем не «то, чего она ожидала» [Там же, с. 323]. И в «Бедной Лизе», и в «Анне Карениной» внутреннее движение героини от восторга, рожденного надеждой, к смертельному разочарованию, наступившему от разбитых надежд, образует идеальный круг. Первая встреча Лизы и Эраста происходит в Москве на берегу Москва-реки, в которую на следующий день ею брошен букет ландышей, предназначенный для Эраста и не проданный никому. В последний момент своей жизни, обманутая и оскорбленная, Лиза оказывается на берегу пруда: ««Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла! <...> Мне нельзя жить, нельзя!..» – Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. <...> – Тут она бросилась в воду» [1, с. 695]. Круг замкнулся: вода, имеющая

двойственную природу, олицетворяющая одновременно жизнь и смерть, есть символ счастья и трагедии для Лизы; она свидетель ее восторга и она же скрывает ее разбитое сердце.

Идеально «своды сведены» Л. Н. Толстым и в «Анне Карениной»: судьбоносная встреча с Вронским и последний момент жизни Анны даются на железнодорожном вокзале в Москве. Ликование от узнавания друг друга сменяется предчувствием страшной беды после сообщения о смерти сторожа: «Каренина села в карету и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы.

– Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали несколько сот сажен.

– Дурное предзнаменование, – сказала она.

– Какие пустяки! – сказал Степан Аркадьич. – Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

– А ты давно знаешь Вронского? – спросила она» [3, с. 68].

Анну и Вронского связал этот случай на вокзале: они не остались равнодушны к происшедшему и – парадоксально – оказались лично причастными к беде. Легкомысленный же Степан Аркадьич, не придавший никакого значения гибели железнодорожного работника и сразу же о ней забывший, спасается, обретает семейное счастье и психическое спокойствие. Анна, всю себя отдавшая чувству, презревшая не только мужа, к которому была равнодушна, но даже сына, в котором не чаяла души, и дочь, которая явилась следствием ее любви, свою месть Вронскому осуществить могла только там, где неразрывно с ним соединилась: ««Туда! – говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, – туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя». Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. <...> И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в тоже мгновение она ужаснулась тому, что делала» [4, с. 339].

И Лиза, и Анна в последние секунды жизни вспоминают своих возлюбленных, лучшие мгновения, проведенные с ними, но это лишь усиливает их желание расстаться с жизнью. Обеих героинь сближает невозможность дышать без любви, быть вне того идеального мира, который они для себя придумали, из которого изгнали все, что могло отвлекать их от реализации чувства. Они признавали только абсолютное его проявление, не допуская вмешательства никаких внешних причин. Н. М. Карамзин пишет о Лизе: «...прощаясь с ним (с Эрастом. – *Е. III, С. Г.*), простила с душою своею» [1, с. 694]. То же можно сказать и об Анне: Вронский заменил ей все, стал ее душой, стал ее единственной страстью, ради которой она забыла даже сына Сережу. Во Вронском же легко сосуществовали любовь к Анне и любовь к офицерским скачкам.

Заметим, что и Эраст, и Вронский – прекрасные молодые люди, вполне достойные восхищения. Сравним презентацию, данную Н. М. Карамзиным Эрасту («...сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою» [Там же, с. 691]), с представлением Вронского Л. Н. Толстым («...этот человек, огромно богатый, с прекрасным образованием и способностями, с открытою дорогой ко всякого рода успеху и честолюбию и тщеславию, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества» [3, с. 177]). Примечательно, что почти в одних и тех же выражениях, по одним и тем же критериям привлекательности писатели с разницей в столетие изображают положительные качества героев-мужчин. Единственным, и то весьма сомнительным, их недостатком является желание удовольствия (развлечения или карьера), во имя которого они явно или невольно пренебрегают своими избранницами. Последние же, решившись на самоубийство, не только не теряют «высоту» собственного статуса (погибнуть на взлете – всегда красиво), но, как это ни парадоксально, сохраняют *status quo* Эраста и Вронского. Искренние переживания из-за гибели возлюбленных возводят их в общественном мнении в положение жертвы, а не преступника. Из-за этого они вызывают сочувствие, но не презрение.

Лиза и Анна игнорируют тех главных людей, кровно с ними связанных, которые любили их безусловно и не способны были существовать без них: крестьянка ради Эраста забыла мать, Каренина – сына. Вспоминают они о любимых родных лишь в последние перед самоубийством мгновения, окрашенные раскаянием и отчаянием. До встречи с Эрастом Лиза жила исключительно интересами матери: для нее работала, исполняла все ее желания, делилась с нею мыслями и надеждами, понимая, что без ее внимания мать погибнет. Эраст требует от Лизы сохранять втайне их отношения, что смущает девушку, но не пугает, не становится предостережением: ««Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» – “Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать”. – “Для чего же?” – “Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое”. – “Нельзя статься”. – “Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова”. – “Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне не хотелось бы ничего таить от нее”» [1, с. 692]. Лиза, ослепленная чувством, не принимает во внимание оскорбительные характеристики, которыми Эраст наделяет ее мать, – подозрительность, способность напрасно обвинить и прочее. Понимание происходящего как чего-то недоуменного, преступного заставляет «пригожего барина» скрываться от Лизиной матери.

Приблизительно то же чувствует Вронский к сыну Анны, которого не любит, намеренно не замечает, подозревает в каких-то неприятных для него мыслях: «...когда вдруг вспомнил то, что он (Вронский. – *Е. III, С. Г.*) всегда забывал, и то, что составляло самую мучительную сторону его отношений к ней (Карениной. –

Е. Ш., С. Г.), – ее сына с его вопрошающим, противным, как ему казалось, взглядом. <...> Как будто ребенок чувствовал, что между этим человеком и его матерью есть какое-то важное отношение, значения которого он понять не может» [3, с. 189].

Л. Н. Толстой детально воссоздает характер восприятия Анной возлюбленного сына и возлюбленного Вронского. Они поначалу соединяются в ней в одно драгоценное существо, ей трудно разделить между ними свою любовь. Она так сильно дорожит Вронским, что не говорит с ним о сыне, понимая, что он не может относиться к Сереже так, как она. Есть сцена, в которой Анна пытается определить свое счастье: «Я несчастлива? – сказала она, приближаясь к нему (Вронскому. – *Е. Ш., С. Г.*) и с восторженной улыбкой любви глядя на него, – я – как голодный человек, которому дали есть. Может быть, ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно, но он не несчастлив. Я несчастлива? Нет, вот мое счастье... Она услышала голос возвращающегося сына и, окинув быстрым взглядом террасу, порывисто встала» [Там же, с. 194]. Разумеется, неслучайно героиня Л. Н. Толстого не договорила фразы. Совершенно очевидно, что любовь к ребенку – чувство, рассчитанное на «большое» время. В какой-то момент оно совместилось с чувством к мужчине, но не было и не могло быть им замещено. Трагедия Анны не в мнимой холодности Вронского, а в разлуке с сыном, который для нее олицетворяет, помимо прочего, Дом. Ни одно из жилищ, предложенных Вронским, не воспринимается ею как семейный очаг. В них она оказывается неспособной выступить в роли хозяйки Дома, т.е. создать для себя новый внешний мир, надежный и прекрасный, поскольку у нее нет помощника (мы знаем из мифологии, что у Творца всегда должен быть помощник). Каренин на эту роль годился (вспомним, сколько раз он предлагал ей свою руку для поддержки), но Анна отвергла его. Вронский – нет (самый показательный в этом отношении – эпизод в театре, куда он отказался сопровождать возлюбленную). Соединившись, эти обстоятельства разрушили Анну, ибо она оказалась покинута и сыном, и мужем, и возлюбленным.

Лизу и Анну сближает и неравное положение по отношению к Эрасту и Вронскому: Лиза – крестьянка, Эраст – дворянин; Анна – замужняя женщина, Вронский – свободный молодой человек. Эти препятствия были настолько значительными, что даже безусловное благородство мужчин в таких условиях редко приводило к благополучному их преодолению [2, с. 137]. В случае же нерешительности мужчины женщина вообще была обречена на гибель или падение, что и демонстрируют Н. М. Карамзин и Л. Н. Толстой.

Таким образом, с промежутком почти в столетие русская литература создала произведения, удивительным образом перекликающиеся. «Анна Каренина» вполне может рассматриваться как реминисценция «Бедной Лизы». В самом деле, ни одно другое произведение русской художественной словесности XIX века не знает героини, идея образа которой так точно совпадала бы с идеей образа карамзинской бедной Лизы.

Н. М. Карамзин и Л. Н. Толстой преодолели ключевой в русской литературе мотив влияния долга на мысли и чувства героя. Созданные ими образы олицетворяют не борьбу долга и чувства, но борьбу чувства и чувства. Это переживание приводит их героиню к самоуничтожению, поскольку в русском историческом, культурном, мировоззренческом контексте подобный вид противостояния не плодотворен.

Список источников

1. **Карамзин Н. М.** Бедная Лиза // Русская литература XVIII века. Л.: Просвещение, 1970. С. 689-695.
2. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 2002. 413 с.
3. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. Л.: Худож. лит., 1982. Ч. 1-4. 448 с.
4. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. Л.: Худож. лит., 1982. Ч. 5-8. 392 с.

N. M. KARAMZIN'S "POOR LIZA" AND L. N. TOLSTOY'S "ANNA KARENINA": THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC DIALOGUE

Sharonova Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Gudkova Svetlana Petrovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Ogarev Mordovia State University, Saransk

sharon.ov@mail.ru; sveta_gud@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the artistic interrelations of N. M. Karamzin and L. N. Tolstoy. During the comparative analysis of the works "Poor Liza" and "Anna Karenina", common features in the creation of the sensual worldview of heroines, their love feelings and attitudes toward their relatives are revealed. The authors of the article come to the conclusion that L. N. Tolstoy is one of the few classic writers who created the heroine, the idea of the image of which has something in common with the idea of Karamzin's "poor" Liza. This allows talking about "Anna Karenina" as a kind of reminiscence on the story of N. M. Karamzin.

Key words and phrases: N. Karamzin; L. Tolstoy; Russian classical literature; artistic dialogue; tradition; story; novel; image; heroine.